

Владимир Набоков
Переводы

Николка Персик
Аня в Стране чудес

издательство аст

Москва

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

Н14

Художественное оформление и макет Дмитрия Черногаева

Набоков, Владимир Владимирович.

Н14 Николка Персик. Аня в Стране чудес / Владимир Набоков. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2023. — 416 с. — (Набоковский корпус).

ISBN 978-5-17-145130-1

Настоящее издание составили две переведенные Владимиром Набоковым в 1920–1923 гг. книги: «Николка Персик» («Кола Брюньон») Ромена Роллана и «Аня в Стране чудес» Льюиса Кэрролла. С детства владевший французским и английским, Набоков в начале своей писательской карьеры взялся за два одинаково сложных для перевода произведения и показал виртуозное владение русским языком, сумев воспроизвести игру слов, образный ряд и стихи оригиналов. В этом отношении переводческие опыты будущего автора «Дара» и «Ады» обнаруживают зачатки его изощренного литературного стиля. «Николка Персик» стал, по-видимому, первым русским переводом «Кола Брюньона», в то время как «Аня в Стране чудес» была признана одним из лучших переводов «Алисы» на русский язык.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-145130-1

Russian translation of COLAS BREUGNON by Romain Rolland

Translation copyright © 1922, Vladimir Nabokov

All rights reserved

Russian translation of ALICE IN WONDERLAND by Lewis Carroll

Translation copyright © 1923, Vladimir Nabokov

All rights reserved

© А. Бабиков, составление, редакторская заметка, примечания, 2023

© Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Издательство CORPUS ®

Содержание

От редактора

7

Р. Роллан. Николка Персик

17

Л. Карроль. Аня в Стране чудес

Глава 1. Нырок в кроличью норку

295

Глава 2. Продолжение

304

Глава 3. Игра в куралесы и повесть в виде хвоста

313

Глава 4. Кто-то летит в трубу

321

Глава 5. Совет Гусеницы

332

Глава 6. Поросянок и перец

342

Глава 7. Сумасшедшие пьют чай

353

Глава 8. Королева играет в крокет

363

Глава 9. Повесть Чепухахи

373

Глава 10. Омаровая кадриль

383

Глава 11. Кто украл пирожки?

392

Глава 12. Показание Ани

401

От редактора

Первой опубликованной Владимиром Набоковым в Берлине книгой стал перевод французской повести Ромена Роллана (1866–1944) «Кола Брюньон» (1919). В июне 1920 г., приехав из Кембриджа на каникулы к родителям в Лондон, он как-то заговорил с отцом о тех трудностях, которые ждут переводчиков нового сочинения Роллана, — «стилизованного, написанного сочным раблезианским языком романа»*. Набоков-старший, по-видимому, полагал, что частая игра слов, просторечные обороты, архаизмы, ритмически организованные пассажи и местные французские названия по-русски непередаваемы. Начинаящий автор «заключил с отцом пари, что сможет перевести книгу, сохранив ритм и рифмы оригинала. Он не был высокого мнения о Роллане как о писателе, и в этой работе его привлекала лишь сама сложность задачи, возможность испытать себя»**.

По договору с берлинским издательством «Слово» готовый перевод следовало предоставить к началу

* Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. Биография / Пер. Г. Лапиной. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 210. (*Здесь и далее, если не указано иное, — прим. ред.*)

** Там же.

1921 г., однако работа продвигалась медленно. 1 ноября 1920 г. В. Д. Набоков писал сыну:

Что мне сказать по поводу Rolland? Раз Ты предпочитаешь от 6 до 7 ½ перси Персику — положение, очевидно, безнадежное. Я только говорю одно: к 1 января перевод должен быть кончен, иначе я Тебе дам свое отцовское проклятие. Распределение Твоего дня на меня произвело потрясающее впечатление. Одно можно сказать: опасность умственного переутомления Тебе как будто не угрожает, хотя, конечно, 2 часа умственного труда в день — это страшно много*.

К началу марта следующего года перевод все еще не был закончен. 23 февраля 1921 г. Набоков писал матери из Кембриджа:

Дорогая мамочка,
гавань видна: когда я приехал сюда, переведено было только 110 страниц (я малодушно это скрыл). Здесь же я перевел еще 130, и таким образом осталось 60, — как раз успею**.

Наконец работа была сделана, но к тому времени издательство, по-видимому, решило перенести задержанную книгу на следующий год: 29 апреля 1921 г. Набоков с некоторой тревогой спрашивал родителей: «Как обстоит дело с “Colas Breugnon”? Неужели мой труд пропал да-

* Houghton Library (Cambridge, Mass.) / Vladimir Nabokov papers. Box 12. Fol. 215.

** The New York Public Library. W. Henry & A. Albert Berg Collection of English and American Literature / Vladimir Nabokov papers / Letters to Elena Ivanovna Nabokov.

ром? Напишите»*. Издательство приступило к подготовке гранок только в начале 1922 г.

С 29 августа 1922 г. в газете «Руль» начали печататься отрывки из перевода (еще не имевшего русского названия), которым был предпослан следующий редакционный анонс:

Книгоиздательство «Слово» заканчивает печатанием перевод блестящего произведения Ромэна Роллана «Colas Br<e>ugnon». Значение и сущность этого произведения выясняются из приводимого предисловия самого автора. Перевод сделан обратившим на себя внимание талантливым молодым поэтом Вл. Сириным и представляет по своей художественной форме и точности выдающуюся литературную заслугу**.

Изданный в ноябре 1922 г. «Николка Персик» стал одной из двух первых русских версий французской повести: вторая вышла в том же году в петроградском издательстве «Всемирная литература» («Кола Бренъон», перевод М.А. Елагиной под редакцией Н.О. Лернера). Лишь десять лет спустя появился новый русский перевод повести, созданный М.Л. Лозинским («Кола Брюньон», 1932).

Рассматривая первый большой переводческий опыт молодого Набокова, стилистически неровный и технически несовершенный, следует помнить, что ему пришлось самостоятельно проделать немалую изыскательную работу, поскольку он не имел возможности пользоваться пояснениями или комментариями, которые появились позднее. Основные источники и композицию повести Роллан охарактеризовал в «Примеча-

* Там же.

** «Colas Br<e>ugnon» // Руль. 1922. 29 августа. С. 2-3.

ниях Брюньонова внука» лишь в 1930 г.; они были включены, вместе с авторскими пояснениями, которыми пользовался Лозинский, в советское издание 1932 г.:

Я задумал эту галльскую поэму в апреле — мае 1913 года. Называлась она тогда «Король пьет», или «Жив курилка». <...> Затем, в начале 1914 года, я обратился с предложением напечатать «Кола» к «Ревю де Пари» <...> Но, к моему изумлению, мой старший учитель оказался весьма смущен вольностью этого произведения. Он не решался представить непочтительного Кола своей чопорной аудитории. <...> Что касается строения книги, то его легко увидеть и без очков. Оно следует ритму Календаря природы, по которому я жил среди полей, промеж двух белых январей. Книга эта питалась кламсийскими летописям, неверскими преданиями, французским фольклором и сборниками галльских пословиц, которые суть мое евангелие и мое «Поэтическое искусство». Я утверждаю и посейчас, что в любом их мизинце больше мудрости, остроумия и фантазии, чем во всем Аруэ*, Монтене и Лафонтене. (А я их люблю, этих трех братьев!)

Надо ли добавлять, что, когда я был ребенком, в клетке моей не умолкал старый голос, насмешливый и веселый <...> старой Розалии из Бевронского предместья, — которая часто мне рассказывала, как Кола своей Глоди, сказку про Утенка и про Ощипанного цыпленка. Ее крутой язык, голый, без фигового листка, с бургундской солью, не многим отличался, в своем свежем архаизме, от языка моего Кола. И я отчасти в ее честь избрал рубеж двух столетий, шестнадцатого и семнадцатого, где новизна и старина делят ложе; ибо от этого сладостного брака родилась речь, крепкая, задорная речь моей старой рассказчицы.

* Настоящее имя Вольтера Франсуа-Мари Аруэ.

Имя Brugnon (или Breugnon), — а это, как всем известно, название мясистого и крепкого плода, помеси персика и абрикоса, — до сих пор живо в окрестностях Кламси <...>*

Советский исследователь русских версий повести в отношении переводческого подхода Набокова пришел к следующим наблюдениям:

Владимир Сирин переводит текст в основном средней невыразительной общелитературной лексикой со слабой разговорной окраской. Преобладают сочетания слов, принятые обычно в книжном стиле. По языку перевода Сирина не видно, что персонажи повести представляют низшие плебейские слои французского народа. <...> Все же порой Сирин как бы спохватывается и замечает, что текст нуждается в «сочных» народных словах и выражениях. Однако в качестве народной лексики он привлекает либо слова <...> выпавшие из обихода, либо областнические, либо вульгарные, как, например, горюше, горынские замыслы, потекли в путь, вертоград, весенницы, господине (звательный падеж), подгрызаны, кухарь, тенетница, околоток, вестимо, меня гадует, знахарить, гультай, поленичек-подкидыш, сластущечка <...> и т. п.

Искусственны и псевдонародны употребляемые им якобы просторечные метафорические обороты: подлый петушок; горшок с горчицей (брань); раздавливая зады о перила; освежаешь рыло в соседнем кабаке; облизывал стакан взглядом и языком; ушли мы, дурни, зады торжественные; этот тробух, пузогной; роскошно скучают; ум не однорукий; потом перешли на галушки шипучие <...>.

* *Роллан Р.* Примечания Брюньонова внука // Собр. соч.: В 14 т. / Под общ. ред. И. Анисимова. М., 1956. Т. 7. С. 207–210. Пер. М. Лозинского.

Рифма в переводе передается редко, носит случайный характер. Зато Сирий старается воспроизвести возникающую временами в подлиннике ритмическую организованность речевого потока (правда, тоже не всегда). Ритм Сирий не мыслит помимо метрической упорядоченности. Он членит речь на отрезки, соизмеряемые по числу ударений (акцентный стих) и порою тяготеющие к однообразной стопной размеренности. <...> В итоге применяемый Сирийским прием превращает лирические пассажи повести в высокопарно-напыщенные, резко противопоставляет их другим частям текста. Стилистическое единство повести рушится, цельность образа Кола Брюньона распадается*.

Эти выводы по большей части верны, однако справедливости ради следует заметить, что друзья и собеседники Персика, священник и нотариус, как и он сам, ваятель и резчик по дереву, торгующий, кроме того, предметами искусства, не относятся к «низшим плебейским слоям французского народа». Нельзя согласиться и с тем, что Набоков перевел повесть «в основном средней невыразительной общелитературной лексикой со слабой разговорной окраской» — довольно приведенных самим исследователем примеров разговорных форм, архаичных слов и оборотов, чтобы убедиться в обратном.

Эмигрантский критик и театральный режиссер, будущий постановщик набоковской пьесы «Человек из СССР» (1927) Юрий Офросимов, откликнувшись на публикацию набоковского перевода поощрительной рецензией, в свою очередь не мог не отметить некоторых его недостатков:

* Шор В. «Кола Брюньон» на русском языке // Мастерство перевода. Сборник седьмой. М., 1970. С. 225–226.

Радостная книга о Николае <sic!> Персике, и радостен, свеж перевод ее; на русский язык особенно трудно, казалось бы, передать всю эту игру слов, подчас рифмованную; порою — почти ритмическую прозу; весь характер этого старческого болтливости говорка. Дух повести хорошо, сочно сохранен Вл. Сириным, иные словечки удачно заменены соответственно найденными малоупотребляющимися русскими. Но все же порою возникают недоумения: зачем, например, такая притянутая, упорная русификация в именах: Глаша, Марфа <...>*. Иногда тяжеловата расстановка слов <...> но, думается, все эти недостатки только досадные обмолвки. Стиль и дух книги переданы, повторяю, очень удачно, местами — блестяще**.

Современный исследователь в своем анализе «Николки Персика» пришла к мнению, что Набоков не уступает Лозинскому в передаче стихотворных строк и в избрании каламбурных эквивалентов: «Когда русский язык позволяет ему использовать звуковой прием, он может как сохранить каламбур или шутку, так и подыскать дополнительные созвучия и аллитерации, чтобы компенсировать те, которые были утрачены в другом месте»***.

В России «Николка Персик» был впервые переиздан в 1999 г. в первом томе собрания сочинений Набокова «русского периода» (СПб., «Симпозиум»). Настоящее издание подготовлено по тексту первой и единственной прижизненной публикации 1922 г.

* Некоторые примеры русификации имен в переводе Набокова отражены в наших примечаниях к настоящему изданию.

** *Офросимов Ю.* Николка Персик. Роман Р. Роллана, перев. В. Сирина. (И-во «Слово», Берлин, 1922) // *Руль*. 1922. 19 ноября. С. 9.

*** *Beaujour E. K.* Nikolka Persik // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / Ed. by V. E. Alexandrov. N. Y. & L., 1995. P. 559.

Второй переводной книгой Набокова стала «Алиса в Стране чудес» (1865) Льюиса Кэрролла (1832–1898), вышедшая весной 1923 года* в берлинском издательстве «Гамаюн» под названием «Аня в Стране чудес» и с рисунками художника С. Залшупина. В «Других берегах» Набоков вспоминал, что в 1922–1937 гг. в Берлине «Много переводил — начиная с “Alice in Wonderland” (за русскую версию которой получил пять долларов) и кончая всем, чем угодно, вплоть до коммерческих описаний каких-то кранов»**. Перевод «Алисы», однако, нельзя было назвать рутинной переводческой работой ради заработка — он оказался не только отличным упражнением для развития собственного писательского стиля Набокова, но и довольно неожиданно послужил ему — двадцать лет спустя — основанием для получения места лектора в американском колледже Уэллсли.

«Приключения Алисы в Стране чудес» до Набокова несколько раз переводились на русский язык, начиная с анонимного перевода-пересказа 1879 г. под названием «Соня в царстве дива». Как и первый русский переводчик, Набоков избрал для героини русское имя и опустил стихотворное вступление (к близким Набокову русским версиям «Алисы», включающим вступление Кэрролла, можно отнести переводы П. С. Соловьевой 1909 г. и А. А. Д’Актиля 1923 г.)***.

Вскоре после выхода набоковского перевода в берлинской газете «Руль» появилась следующая короткая рецензия:

* Объявления о поступлении книги в продажу появились в газете «Дни» (Берлин) в марте 1923 года.

** Набоков В. Другие берега. АСТ: Corpus, 2022. С. 289.

*** Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес / Перевод Allegro [П. С. Соловьевой]. СПб.: Издание журнала «Тропинка», 1909. Carroll L. Алиса в Стране чудес. Переработал для русских детей А. Д’Актиль. М.—Петроград: Издательство Л. Д. Френкель, 1923.

«Alice in Wonderland» — после Библии, вероятно, самая популярная книга в Англии. Нельзя себе представить английского ребенка, который не спускался бы вместе с любопытной девочкой Алисой в волшебную страну чудес. Дети любят эту книгу не только из-за ее мягкого юмора и захватывающей напряженности фабулы, но и потому, что автор умело собрал в ней, так сказать, духовный инвентарь среднего английского ребенка. В ней появляются любимые и знакомые герои английских сказок, в ней приведены в забавных пародиях классические английские песенки, стихотворения, поговорки, кусочки из школьных воспоминаний и т. п.

Эти особенности книги делают ее чрезвычайно трудной для перевода, с которым мог справиться только человек, не только хорошо знающий английский язык, английскую жизнь и английскую литературу, но и свободно владеющий русской прозой и стихом. В данном случае переводчик удовлетворяет обоим этим требованиям. Чувствуется, что ему пришлось немало поработать по приспособлению английского текста к понимаю маленьких русских читателей. Ему это особенно удалось в переводе — вернее, в самостоятельном сочинении — стихов, помещенных в книге. Вл. Сирин стремился русифицировать все английские названия и собственные имена. С этой точки зрения напрасно оставлены такие названия животных, как Дронг, Лори, Гри<ф>.

Книге можно пожелать самого широкого распространения*.

Интерес к набоковскому переводу возродился лишь во второй половине 1970-х гг., после его переиздания

* В. <Рец.> Л. Карроль. Аня в Стране чудес. Пер. с англ. В. Сирина с рисунками С. Залшупина. Изд-во Гамаюн, Берлин. 1923 // Руль. 1923. 29 апреля. С. 11.

в «Ардисе». Перед тем, в 1970 г., вышла статья американского слависта русского происхождения Саймана (Семена) Карлинского, назвавшего версию Набокова «одним из лучших переложений “Алисы” на любом языке» и «лучшим переводом на русский»*. На это Набоков возразил, что «Карлинский слишком добр к моей “Ане”» и что «удачны в ней только стихи и игра слов»**.

С точки зрения феноменального будущего двуязычия Набокова и опытов сочинения на французском языке, его литературная карьера začínалась по идеальной схеме, в которой английский, французский и русский языки равноправны, послушны и взаимобогащаемы, а проза свободно сочетается с поэзией. Двумя этими ранними переводами он определил границы не только своей последующей переводческой работы, но и характер собственной писательской манеры — склонность к межжанровым экспериментам, к игре слов, изысканной фразировке, к литературным и историческим аллюзиям, которыми изобилуют книги Кэрролла и Роллана.

«Николка Персик» печатается по тексту первого издания с сохранением особенностей авторской транслитерации и с исправлением замеченных опечаток.

«Аня в Стране чудес» дважды переиздавалась репринтным способом: в 1976 г. в нью-йоркском «Dover Publications» (с английской заметкой от издательства) и в 1982 г. в «Ардисе» (Анн-Арбор). Печатается по второму изданию с исправлением опечаток и приведением некоторых слов к современному написанию. Конъектуры даны в угловых скобках.

* *Karlinsky S. Anya in Wonderland: Nabokov's Russified Lewis Carroll // Nabokov. Criticism, reminiscences, translations and tributes / Ed. by A. Appel, Jr. & Ch. Newman. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. P. 314.*

** *Nabokov V. Strong Opinions. N. Y., 1990. P. 286.*